

8. Новый Завет. Мн. : Пикорп, 1995.
9. Поснов, М.Э. История христианской церкви (до разделения церквей – 1054). Киев: Путь к истине, 1991.
10. Свенцицкая, И.С. Раннее христианство: страницы истории. М. : Политиздат, 1989.
11. Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М. : Наука, 1993.
12. Тацит. Анналы // Сочинения в двух томах. Том 1. Анналы. Малые произведения. Л. : Наука. 1969.
13. Тронский, И.М. Chrestiani и Chrestus // Античность и современность. М. : Наука, 1972. С. 34–43.
14. Фаррар, Ф. Жизнь и труды апостола Павла. СПб. : Издание А.П. Лопухина, 1887.
15. Barnard, L.W. Studies in church history and patristics. –Thessaloniki: Patriarchal Institute for Patristic studies, 1978.
16. Barnes, A.S. Christianity at Rome in the apostolic age. An attempt at reconstruction of history / A.S. Barnes. – Methuen : London, 1938. – 222 p.
17. Edmundson, G. The church in Rome in the first century. – Longmans, Green and CO., 1913.
18. Harnack, A. The expansion of christianity in the first three centuries. NY : Williams and Norgate, 1905.
19. Joyce, G.H. Pope, the // The catholic encyclopedia. An international work of reference on the constitution, doctrine, discipline and history of the catholic church. Ed. by C.G. Herbermann, E. A. Pace / а. о. /. In 15 Volumes. N.Y. : Appleton, 1912. Vol. 12. P. 261–275.
20. Lactantius. Divinae Institutiones // Migne J.P. Patrologiae Latinae Cursus Completus. Tomus VI / J.P. Migne. Parisiis, 1844. Col. 111–822.
21. Mancinelli, F. The catacombs of Rome and the origins of christianity. Firenze : Scala, 2003.
22. Orosius. Historiae Adversum Paganos // Migne J.P. Patrologiae Latinae Cursus Completus. Vol. 2. Parisiis, 1844. Col. 523–960.
23. Schaferdiek, K. Christian mission and expansion // Early christianity. Origins and Evolution to A.D. 600 / Hazlett I. London : SPCK, 1991. – P. 65–77.
24. Walker, W. A History of the Christian Church. Ed. : T. & T. Clark, 1947.

УДК 811.161.

ВИЗАНТИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «РУССКОГО ХРОНОГРАФА» 1512 ГОДА

В.А. Федосик

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; v.fedosik@mail.ru*

Исследуется важное значение истории Византии в исторической концепции «Русского хронографа». Установлена связь определения Византии как «римского царства» с библейской концепцией «четырёх царств». Историческая концепция «Русского хронографа» на основе эсхатологического характера теории «четырёх царств» создала основу для провозглашения последним («римским») царством на земле перед Страшным судом Московского государства. В хрониках Великого Княжества Литовского теория «четырёх царств» отсутствует, а интерес к истории Византии к концу Средневековья полностью утрачивается.

Ключевые слова: Византия; «Русский хронограф»; Великое Княжество Московское; Великое Княжество Литовское; теория «четырёх царств»; «новый Рим».

BYZANTIUM IN THE HISTORICAL CONCEPT OF THE “RUSSIAN CHRONOGRAPH” OF 1512

V.A. Fedosik

Belarusian State University, Niezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus; v.fedosik@mail.ru

The importance of the history of Byzantium in the historical concept of the Russian Chronograph is investigated. The connection between the definition of Byzantium as the “Roman realm” and the biblical concept of the “four realms” is established. The historical concept of the “Russian Chronograph” based on the eschatological nature of the theory of the “four realms” created the basis for the proclamation of the last (“Roman”) realm on earth before the Last Judgment of the

Moscow State. In the chronicles of the Grand Duchy of Lithuania, the theory of the “four realms” is absent, and interest in the history of Byzantium by the end of the Middle Ages is completely lost.

Key words: Byzantium; “Russian Chronograph”; Grand Duchy of Moscow; Grand Duchy of Lithuania; theory of “four kingdoms”; “new Rome”.

В освещении всемирной истории в летописании Киевской Руси центральное место отводилось истории Византии. По существу, Византия выступала в качестве цивилизационной матрицы, сформировавшейся на рубеже Раннего и Высокого Средневековья Киевской Руси. Основное внимание уделялось отношениям Киевской Руси с Византией, ими определялись значимость и величие восточнославянского государства (внешнеполитические успехи, династические браки, церковное и культурное влияние). По мере ослабления и упадка Византии в Высоком и Позднем Средневековье выявляются две различные тенденции в освещении византийской истории: в хрониках Великого Княжества Литовского и Великого Княжества Московского (России).

В хрониках, летописях Великого Княжества Литовского в сравнении с древнерусским летописанием четко выявляется смена парадигмы восприятия средневековых цивилизаций, характеризующаяся постепенной утратой ведущей роли и значения Византии для восточноевропейских государств. Только в первом своде белорусско-литовского летописания сохранялась тенденция древнерусского летописания определения величия Древней Руси отношениями с Византией. В хрониках, летописях Великого Княжества Литовского изложение отношений Византии и ВКЛ сводится преимущественно к церковным связям с Константинопольской патриархией, события византийской истории почти не представлены. Внутривизантийская история представлена лишь рядом эпизодов борьбы за императорский престол середины XIV в. (в связи с конфликтом между императором и патриархом Константинополя). Даже древнерусский итинерарий Игната Смолянина (XII в.) давал больше сведений о внутривизантийской ситуации в Византии. В сфере внешней политики ВКЛ Византия не рассматривалась как ведущий фактор, даже ее падение осталось почти незамеченным во втором своде белорусско-литовского летописания. О взятии турками Константинополя в 1453 г. имеются лишь краткие сообщения в «Краткой Волинской летописи» и в «Летописи Панцырного и Аверки» [1, с. 367, 573]. Внешняя политика Византии практически не нашла своего освещения в хрониках, летописях Великого Княжества Литовского.

Совершенно иная тенденция в освещении истории Византии проявляется в российских средневековых хрониках, главными из которых являются «Летописец Еллинский и Римский» (XV в.) и «Русский хронограф» 1512 г. Обе хроники, как показывает анализ их содержания, имеют практически одинаковые источники, использованные их создателями, текст большей частью идентичен, одинакова композиция произведений. Оба исторических сочинения представляют собой хроники с изложением всемирной истории, но в «Летописце Еллинском и Римском» всемирная история представлена до захвата крестоносцами Константинополя в 1204 г., а «Русский хронограф» охватывает хронологически более длительный период. В «Летописце Еллинском и Римском» по существу отсутствует описание истории Западной Римской империи с 395 по 476 г., излагается история только Восточной Римской империи. Впрочем, и средневековые описывается откровенно с «византийскоцентричных» позиций (например, поход Олега на Константинополь представлен как внешнеполитический фактор для Византии [2, с. 473–474]) в отличие от «Русского хронографа», где он изложен с «русскоцентричных» позиций [3, с. 354].

«Русский хронограф» 1512 г. дает гораздо более широкую историческую палитру, с IX века ее изложение приобретает «русскоцентричный» характер, когда стержнем становится история Древней (Киевской) Руси, затем Московского княжества, а вокруг стержня отечественной истории идет описание зарубежной истории, прежде всего, ближайших государств. Создатели «Русского хронографа» явно стремились осознать место России во всемирном историческом процессе, и уже поэтому этот источник выступает более значимым.

Исследователи ранее обращали внимание на то, что концепция «Русского хронографа» находилась в русле разрабатывавшейся теории «Москва – третий Рим» (отсюда выводилась и вероятность авторства Филофея для этого хронографа) [4, 5]. Как и для абсолютного большинства исторических трудов по всемирной истории «Русскому хронографу» (равно как и «Летописцу Еллинскому и Римскому») так же присущ компилятивный характер. И в немалой степени выбор тех или иных сюжетов древней и средневековой истории был обусловлен имевшимся у авторов набором созданных ранее и в разных странах исторических сочинений. Источниками для авторов «Русского хронографа» являлись, прежде всего, Библия (отсюда, слабое использование иных письменных источников по сюжетам, отраженным в ней, хотя использовался и древнерусский перевод «Иудейской войны» Иосифа Флавия), «Александрия», византийская «Хроника» Зонары и особенно «Хроника» Манассии. Но наш анализ показывает, что все же главным источником по античной истории являлась византийская «Хроника» Георгия Амартола, точнее – ее древнерусский перевод с соответствующими коррективами [6].

Несомненна преемственность с древнерусской письменной традицией в освещении истории Византии, базировавшейся на византийской традиции. В «Русском хронографе» повторяются практически все сюжеты истории Византии, содержащиеся в «Повести временных лет». Однако, если в «Повести временных лет» события излагаются кратко и зачастую без достаточно внятного исторического контекста, то в «Русском хронографе» византийский исторический контекст излагается весьма подробно в логической связи с предыдущими и последующими событиями и процессами византийской истории. Например, первое упоминание Византии в связи с историей славян в «Повести временных лет» изложено так: «Затем пришли белые угры и заселили землю Славянскую. Угры эти появились при царе Ираклии, и они воевали с Хосровом, персидским царем. В те времена существовали и обры, воевали они против царя Ираклия и чуть было его не захватили. Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов – также славян» [7]. Так в «Повести» охарактеризован, пожалуй, кульминационный момент двойной опасности для Византии в 620-х годах. Тогда при императоре Ираклии, создателе фемного строя Византии, в разгар тяжелейшего и изнурительного противостояния с сасанидским Ираном на империю обрушились кочевники авары. В 626 г. они осадили Константинополь, а одновременно к столице Византии двинулось войско Хосрова. Византийцы отбили этот натиск, а в 628 г. армия Ираклия наголову разгромила иранцев. В «Повести временных лет» о важнейшей победе Ираклия (равно как и о самой иранско-византийской войне, ослабившей обе державы перед скорым губительным арабским вторжением) прямо не говорится – вероятно, для автора летописи было очевидным из византийских хроник, что «белые угры» действовали в союзе с византийцами. А вот страшная опасность от аваров акцентируется, по-видимому, в связи с последующим рассказом в летописи об издевательствах аваров над славянами и крылатой фразой об их судьбе: «Погибли как авары». В отличие от «Повести временных лет» в «Русском хронографе» история царствования Ираклия изложена чрезвычайно подробно, и именно борьбе с правителем сасанидского Ирана Хосровом уделено основное внимание: дипломатические ходы, военные действия, религиозные противоречия с иранцами-зороастрийцами и особенно захват иранцами в Иерусалиме креста, на котором был распят Иисус Христос, и его возвращение в Византию [3, с. 303–306].

В «Русском хронографе» излагаются практически правления всех византийских императоров (и императриц). Причем освещаются их правления значительно более подробно, чем, например, правления римских императоров, сводящиеся нередко к констатации обстоятельств их прихода к власти и утраты ее. До освещения периода Киевской Руси содержание средневековой всемирной истории в «Русском хронографе», по сути, сводится к изложению истории Византии. При этом существенно, что ряд ее важных сюжетов, не нашедших отражения в древнерусском летописании, появляется в «Русском хронографе». Например, в «Повести временных лет» имеются лишь смутные намеки на потрясшее Византию противостояние

иконоборцев и иконопочитателей (для недавно принявшей христианство Киевской Руси актуальной была борьба с восточнославянским язычеством, а не с иконоборцами [8, с. 21–22]), а в «Русском хронографе» периоду иконоборчества в византийской истории уделено огромное внимание (разумеется, с яростным осуждением иконоборчества) [3, с. 316–342].

В «Русском хронографе» освещение всей всемирной истории подчинено библейской концепции «четырех царств», по которой «римское царство» – последнее из этих земных царств (отсюда последующие «второй», «третий Рим», но не какое-то иное «царство»), что было использовано для обоснования теории «Москва – третий Рим». Основы этой концепции изложены в библейской книге пророка Даниила, неоднократно цитируемой в «Русском хронографе», и имеются все основания утверждать, что именно по ней целенаправленно осуществлялся отбор материала по всемирной истории с древних времен и изложение ее хода. В полном соответствии с пророчеством Даниила древняя история (помимо ее начала от сакральной обязательной ветхозаветной) представлена историей только четырех «земных» царств: вавилонского, персидского, греческого и римского. По концепции Даниила, последним из земных царств будет римское, после чего наступит Страшный суд и царство Божье. Из этого вытекала невозможность существования никакого крупного («мирового») земного «царства» после римского. Его просто не будет. Поэтому претензии на новое мировое земное «царство» и обосновывались на востоке Европы идеей «второго» и «третьего» Рима. Поскольку византийцы только себя характеризовали как ромеев (римлян) в противовес варварам, уничтожившим Западную Римскую империю, то Византии в такого рода обоснованиях отводилась роль «нового», или «второго Рима», а иным государствам оставалось претендовать только на роль «третьего Рима» в качестве преемника «второго Рима». Идеологическая, теоретическая основа для таких претензий Российского государства была обоснована на античном и византийском историческом материале в «Русском хронографе». В этом хронографе сделан следующий вывод: «Сиа приключишася старому Риму, а нашъ же новый Римъ, Цариград, доить и расти, крепиться и омлаждается, буди же ему и до конца расти» [3, с. 285]. Пока это Рим второй – Константинополь. Следует обратить особое внимание на довольно непонятный и явно сфальсифицированный сюжет в «Русском хронографе» о разделении «царства греческого» (державы Александра Македонского). Раздел царства Александра излагается в нескольких различных версиях (в том числе, и близких к историческим реалиям) [3, с. 213–214]. Но поражает своей кажущейся нелепостью версия о разделе его державы (по «завещанию») на 10 частей, отсутствующая в византийских хрониках. О не существовавшем завещании Александра Македонского говорится и в старобелорусском тексте «Александрии», но там приводится совершенно фантастический раздел царства на 11 частей, среди которых «Индия», «Угорское царство», «Муринское панство», Армения, «Далмация и Сикилея» [9, с. 111].

В одной из версий «Русского хронографа» царство Александра оказывается разделенным на 10 частей, а не на четыре, как несколькими строками выше. Но зачем десять? И эти десять частей (так и не названных полностью), судя по всему, не являются простым следованием тексту «Александрии» с ее одиннадцатью частями былого царства Александра. В этом убеждает продолжение текста хронографа. Но самое главное, что здесь обосновывается концепция Константинополя как «второго Рима», причем абсолютно невероятными аргументами для современного историка или любого человека, знакомого с историей античности. Вот для чего понадобилось «смешение» четырех царств с отсылкой к четырем ветрам в видении пророка Даниила: «Вузъ же царь сотвори Византию, идеже последи созданъ бысть Царьградъ, и посла къ Фолоу, царю Ефиопску, и поять дщерь его Алимпіаду, матеръ Александровоу, и роди отъ неа дщерь и назва Византиа. Бе же добра взором, и поать ю царь Рымскій Армія и за вено дасть ей Римъ и того ради боляре Рымстїи гневахоуся нань. Роди же Византиа три сыны: 1 по отчю имени Ермила, 2 Оурваніе, 3 Клавдіе, и по отце царствова: Ермилай в Риме, Оурваніа въ Византии, въ матерне граде, а Клавдіе въ Александриі. Царство же Еллинское, рекше Греческое, хоцетъ быти ото

Алиппады, дочери Фола, царя Ефиопского, еюже поять Воузь царь, иже созда Византию, иже бысть мати градовомъ Греческаго царства. Последи же въ той Византии созданъ бысть Царьградъ и наречень Новый Римъ» [3, с. 214].

Итак, совершенно фантастическая история с «эфиопским» (даже не с египетским как для Александра) происхождением матери Александра Олимпиады (принадлежавшей к царскому роду соседнего с Македонией Эпира) и с вымышленным еще одним ее браком с неким «Воузом». И ведь явно специально в «Русском хронографе» отсутствует эпизод из «Александрии» о том, что Павсаний (убийца Филиппа) силой заставил Олимпиаду выйти за себя замуж, – в хронографе ей «приготовлен» другой муж. А через не существовавшую никогда дочь Олимпиады Византию связанными тесно между собой через генеалогию «царских» родов оказываются Македония («греческое царство»), Рим («римское царство») и Византий (Константинополь). Отсюда и Константинополь выступает как «новый Рим». Причем, в этой конструкции сама Византия представляется российским хронистом (или хронистами) не просто как часть разделившегося позднее Римского царства, а начало ее возводится к тому самому «царству Еллинскому», основателем которого выступает Александр Македонский. Весьма существенным представляется тот факт, что в созданном немного ранее «Летописце Еллинском и Римском» также изложена легенда о браке матери Александра с неким «Вузом» и рождении от этого брака дочери Византии, вступившей в брак с «царем римским» с четким обозначением, что Византий (будущий Константинополь) принадлежал Византии, а затем ее сыну от брака с «царем римским» [2, с. 179]. Но, в отличие от «Русского хронографа», в летописце еще отсутствует идея о Византии (Константинополе) как «новом Риме».

Итак, в хрониках Великого Княжества Московского конца XV – начала XVI в. интерпретация всемирного исторического процесса базировалась на библейской теории «четырёх царств земных», заимствованной из византийских хроник. В этой интерпретации важнейшая роль отводилась последнему (перед будущим концом света) из великих «земных царств» – римскому. Византийцы считали именно себя римлянами (ромеями), не признавая наследниками Римской империи варваров, погубивших западную часть некогда единой империи и со времен Карла Великого претендовавших на роль преемников «римского царства». Так, коронованного в Риме Карла Великого в качестве «императора римлян» в Византии соглашались признать лишь «императором франков» [10, р. 272–274]. Поскольку сам Рим в Средневековье находился в составе западноевропейских государств (дольше всего в составе Священной Римской империи, чьи германские короли получали императорскую корону в Риме от пап), византийские хронисты обосновывали особую роль Константинополя именно как «нового» или «второго» Рима. В «Русском хронографе» 1512 г. эта идея не только воспринимается, а и акцентируется.

По-видимому, падение Византии и укрепление Великого Княжества Московского уже тогда способствовали формированию идеи о преемственности московским государством наследия «царства римского» как последнего из великих «земных царств» через посредство Византии с ее «новым Римом» – Константинополем. Отсюда и огромный интерес к истории Византии в хрониках Великого Княжества Московского. Содержание этих хроник свидетельствует о большом внимании к различным сторонам жизни средневековой части былой единой Римской империи, показывает ее мощное влияние на духовную (прежде всего, церковную) жизнь, демонстрирует важность связей с Византией как со своего рода цивилизационной матрицей. Вскоре, вслед за идеей «второго Рима», появится теория «Москва – третий Рим», что будет означать то, что отныне именно российское государство объявляется последним (до наступления конца света) из великих земных «царств» в соответствии с библейской концепцией «четырёх царств» пророка Даниила.

В хрониках Великого Княжества Литовского теория «четырёх царств» Даниила отсутствует. Нет и идеи «нового Рима». Интерес к истории Византии резко ослабевает к концу Средневековья. Правители Великого Княжества Литовского, конкурировавшие с московскими правителями в объединении под своей властью

населения и земель былой Киевской Руси, не стремились к обоснованию претензий на последнее великое «царство земное». В сравнении с временами Киевской Руси изменились внешнеполитические приоритеты, где Византии не отводилась исключительно важная роль. Да и само влияние византийской цивилизационной матрицы стало ослабевать, все большее значение приобретало влияние западноевропейской средневековой цивилизации, а затем и Возрождения.

Библиографические ссылки:

1. Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раннемадэрны час / укладальнік В. Варонін. Мінск.: АРСНЕ-Пачатак, 2010. 902 с.
2. Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст. С.-Петербург: изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. 512 с.
3. Русский хронограф. Ч.1 // Полное собрание русских летописей. Т. 22. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1911. 568 с.
4. Творогов О.В. Хронограф Русский. [Электронный ресурс]. URL: http://russo.com.ua/slovar_knijnikov_i_knijnosti_drevney_rusi/page/hronograf_russkiy.568/ (дата обращения: 10.03. 2014).
5. Творогов О.В. Литература Древней Руси [Электронный ресурс]. URL: http://old-ru.ru/articles/art_47_5.htm (дата обращения: 28.09. 2014).
6. Матвеев В., Щеголева Л. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарии, указатели / В. Матвеев, Л. Щеголева. Москва.: Изд-во Богородский печатник, 2000. 543 с.
7. Повесть временных лет [Электронный ресурс] / пер. Д.С. Лихачева. URL: <http://old-russian.narod.ru/povest01.htm> (дата обращения: 27.11.2016).
8. Федосик В.А. Христианизация Киевской Руси в контексте европейского средневековья // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018. № 1. С. 11 – 24.
9. Александра. Похождение царя Александра Македонского // Беларускія Александрыя, Троя, Трышчан. Перакладная белетрыстыка Беларусі XV – XVII стст. Мінск.: Беларуская навука, 2009.. С. 33 – 198.
10. Collins R. Early Medieval Europe 300 – 1000. New York: St. Martin's Press, 1994. 453 p.

СЕКЦИЯ 5.

ТРАДЫЦЫІ І СУЧАСНЫЯ ПАДЫХОДЫ ДА ВЫВУЧЭННЯ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

УДК 930 (476) «19» (054)

ВКЛАД Л. С. АБЕЦЕДАРСКОГО В ПОДГОТОВКУ ДВУХТОМНОЙ «ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ССР»

В. А. Белозорович

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь, vbelozorovich@mail.ru

Раскрывается вклад известного ученого – историка, заведующего кафедрой истории БССР исторического факультета Белорусского государственного университета Л. С. Абецедарского в формирование концепции белорусской истории на примере его участия в подготовке двухтомной «Истории Белорусской ССР» (1954–1958). Утверждается, что его концептуальное видение истории белорусских земель в составе Речи Посполитой стало основой научной трактовки данного периода в отечественной историографии до начала 1990-х гг. Проанализировано участие Л. С. Абецедарского в научной дискуссии по обсуждению макета первого тома издания, его принципиальная позиция по обсуждаемым проблемам истории Беларуси. Полученные результаты могут быть применены в учебной и научной